

Сима, Иосиф, Надежда

Это был уже не первый разговор об эвакуации.

— Пойми, — говорил Иосиф, — в Одессе оставаться нельзя. Уже после "Хрустальной ночи" в Германии стало ясно — фашисты ненавидят евреев, и вы тут не выживете. Моя любимая сестра и ваша маленькая Симочка мне очень дороги. Услышь меня, Семен!

— Никуда мы не поедem! Я инженер, хороший специалист, знаю семь языков.

Неужели ты думаешь, что дочь и жена мне менее дороги, чем тебе? Немцы — культурная нация и ценят образованных людей, по крайней мере, не меньше, чем малограмотные советские руководители. И хватит об этом, хочешь уезжать — уезжай, а мы остаемcя.

Так Семен Хари, инженер-энергетик Одесской областной больницы, расположенной тогда на Слободке, решил летом 1941 г. судьбу всей своей семьи. После взрыва подпольщиками румынской комендатуры на ул. Марзливской он разделил участь нескольких тысяч других мужчин-евреев. Его обвинили в намерении взорвать больницу, где он работал, повесили на ее воротах и оставили висеть несколько дней. А Берта Хари, ее мать и двухлетняя Сима вместе с десятками тысяч одесских евреев должны были по приказу от 10 января 1942 г. в двухдневный срок явиться в созданное на Слободке гетто.

По-видимому, иллюзий насчет того, что их ждет, у Берты уже не было — румынские оккупанты успели проявить себя достаточно явно, и евреи оказались совершенно беззащитными перед любым солдатом или просто мародером и хулиганом. Поэтому отчаявшаяся женщина сделала единственно возможный и правильный шаг. Она собрала все ценности, которые еще оставались, отдала их жене дворника больницы, на территории которой они жили, и умолила ее взять к себе и спрятать маленькую Симочку.

Семен Хари, родной отец Симы, и Сима

Где погибли Берта Рувимовна и ее мать — неизвестно: в перенаселенном голодном гетто или на Пересыпи, бредя к станции Соргировочная по колено в ледяной воде под сильнейшим морским ветром в 20-градусный мороз; в набитом до отказа товарном вагоне или в одном из лагерей уничтожения вблизи Доманевки.

А маленькая Симочка выжила. Дворник с женой ее крестили под именем Маргарита и своей фамилией, держали то ли в кухне, то ли в сарайчике, кормили объедками, но жизнь сохранили. Хотя могли и выдать — ведь люди проявляли себя по-разному. Одни брали у обессилевших людей, которых гнали колонной по Пересыпи, драгоценности и вещи, провозили их на подводах несколько сотен метров и сбрасывали, чтобы взять новых несчастных. Другие, рискуя жизнью, принимали вытолкнутых из той страшной колонны детей и прятали их в потайных местах. К сожалению, такие случаи были единичными.

Всегда голодная, завшивленная, в отрепьях, Сима была лишена не только самых необходимых для маленького ребенка вещей — еды, одежды, игрушек, — но и общения. С ней, такой грязной и оборванной, дети не хотели играть. Однажды дочь главврача больницы, ровесница Симочки, пожалела ее, позвала к себе домой и угостила необыкновенным лакомством — редиской с постным маслом. Сима успела съесть только один кусочек, когда пришла мама девочки и раскричалась: "Зачем ты ее привела? Она грязная, больная, а ты еще редиску ей дала!". Сима заплакала и убежала. С тех пор она никогда редиску не ест...

День освобождения Одессы Сима запомнила — семья дворника ела мамалыгу с постным маслом. Сима, голодная, стояла у окна полутемной узкой дворничкой и мечтала, что теперь все изменится, и ей тоже иногда будут давать такую вкусную еду.

Иосиф Рувимович с красавицей-женой Надей, которая была моложе его на 19 лет, приехали в Одессу одними из первых. Выпускник Горного института, посланный для получения высшего образования в Германию, владевший несколькими иностранными языками, инженер высокой квалификации и руководитель с многолетним опытом, он был направлен на-

**Берта Рувимовна,
родная мама Симы**

**Иосиф Рувимович,
приемный отец Симы**

**Надежда Морисовна,
приемная мама Симы**

чальником областного управления промышленности стройматериалов, так необходимых для восстановления разрушенной Одессы.

Естественно, прежде всего, приехавшие бросились на поиски своих родных и каким-то образом вышли на семью дворника. Радости не было предела — маленькая Симочка выжила! Это хоть немного притупило у Иосифа Рувимовича боль от гибели матери и любимой сестры, и они с женой начали оформление удочерения девочки (своих детей у них не было).

А Сима пока оставалась там, где жила. Иосиф привез ей платьице — первое в ее жизни, повязал на грязные волосы бант, пытался по возможности отогреть этого зажатого и запуганного ребенка. Однажды он где-то достал и дал Симочке невиданное лакомство — шоколадку, но она не знала, что с этим делать. Когда Иосиф ушел, старшая дочь дворника отобрала шоколад со словами: "Отдай, это гадость, это сушеное г..., его нельзя есть".

Через месяц, в День Победы, Симе впервые дали черный хлеб с постным маслом. Обычно ее такими вкусностями не баловали. Восторг, испытанный тогда, запомнился ей на всю жизнь — даже сейчас иногда, удивляя окружающих, она ест это кушанье с наслаждением.

Поиск документов, подтверждающих близкое родство, оказался делом сложным, так как архивы не сохранились. Семья дворника заявила, что Сима — их дочь, и предъявила

справку о ее крещении под своей фамилией. Вскоре все стало ясно — они потребовали деньги, и немалые.

Иосифу Рувимовичу пришлось продать построенную им до войны и чудом сохранившуюся дачу на 10-й станции Большого Фонтана и расплатиться за согласие на удочерение Симы — это было необходимо для оформления в райисполкоме, которое, наконец, состоялось. Казалось бы,

все благополучно завершилось. Симе объяснили, что она потерялась на вокзале перед отъездом в эвакуацию, и ее тогда не смогли найти. Потом она жила у чужих людей, а теперь приехали ее настоящие папа и мама, и она будет жить с ними.

Так Сима обрела новую семью. Первое время было очень трудно — девочка всего боялась, плакала, кричала по ночам, никак не могла выйти из запущенного болезненного состояния. Надежда проявляла бесконечное терпение и нежность, привлекала врачей, отмывала ребенка от многолетней грязи, выводила керосином вшей.

Но злключения на этом не закончились. Старшая дочь дворника нашла Симу, когда взрослых не было дома, и сказала: "Это евреи, они пьют кровь маленьких детей. Быстро уходим домой, а то они тебя убьют!". Конечно, перепуганная пятилетняя девочка послушалась свою так называемую старшую сестру и убежала вместе с ней. Снова пришлось искать, нервничать и дополнительно платить.

Очень медленно возвращалась Сима к нормальной жизни. Этому способствовали хорошие условия, две больших благоустроенных комнаты, хоть и в коммунальной квартире, где жили 36 человек (в разрушенной послевоенной Одессе Иосиф Рувимович не считал для себя возможным требовать большего), а главное — доброта и любовь, которых этот ребенок не знал, сколько себя помнил.

Два года перед школой Сима плохо развивалась физически, с трудом преодолевая дистрофию. К семи годам она производила впечатление пятилетней — маленькая, хилая, тщедушная, постоянно болеющая. Надежда не отдала ее в детский сад и полностью посвятила себя этому, по сути, чужому ей ребенку.

Постепенно Сима начала приходить в себя, и из запуганного существа становилась веселой и непоседливой девочкой своего возраста. Она не только с интересом училась, но и посещала в Доме ученых кружки английского языка, ритмики, а главное — хореографический кружок у А.Б. Рындиной, которая говорила, что у девочки балетное будущее.

Кроме того, Надежда, окончившая до замужества рижскую консерваторию, считала необходимым музыкальное образование дочери. Она взяла напрокат пианино, и Сима поступила в музыкальную школу.

Трудно себе представить, как девочка могла успевать всем этим заниматься. Но Надежда сумела пробудить в Симе разносторонние интересы, и вчерашний заморыш, которую до пятого класса водила в школу мама, делала все это с удовольствием.

Надежда, Сима, Иосиф

Иосиф Рувимович много и успешно работал, занимаясь не только руководством предприятиями своего управления, но и исследованиями. Прекрасное образование и разносторонние неординарные способности привели его к серьезному результату — он разработал способ и технологию производства заменителя кирпича из строительного мусора и обломков разрушенных зданий.

Это предложение стало решением проблемы производства стройматериалов не только в Одесской области, на территории которой нет глины — сырья для изготовления кирпича, но и во многих других регионах страны, ведущих восстановительные работы.

Работа Иосифа Рувимовича была настолько значительной, что ее представили на престижную всесоюзную премию.

В конце 1949 г. премия была присуждена, и вскоре лауреата пригласили в Москву для ее получения. Обратного в Одессу он не вернулся. Через некоторое время Надежду вызвали к следователю, который сообщил об аресте мужа, предъявил для опознания фотографии неизвестных мужчин и спросил, знакомы ли они ей. Оказалось, что Иосиф арестован как изменник Родины, обвиняется во встречах с американскими шпионами и передаче им сведений, содержащих государственную тайну.

Через несколько дней после вызова к следователю ночью пришли несколько человек и предъявили ордер на обыск. Перевернули все, вели себя грубо. Сима много лет не могла вспоминать это без переживаний.

У Иосифа Рувимовича была прекрасная библиотека, значительную часть которой он привез после обучения в Германии, — много литературы по специальности, серия из 12 книг о животных (в переплетах, инкрустированных слоновой костью), гербарий с тисненными обложками из натуральной кожи, большая энциклопедия, разнообразная художественная литература.

Все это со злостью швыряли на пол, бегло просматривали, а затем увезли с собой.

Иосиф Рувимович получил восемь лет лагерей. Надежда, по сути, не имевшая реальной специальности, осталась вместе с Симой без средств к существованию.

В приеме на работу всюду отказывали. С большим трудом она устроилась в киоск "Союзпечать". Многие знакомые уговаривали отдать Симу в детский дом — ведь девочка ей не родная, а рассчитывать на скорое возвращение Иосифа не приходится. С такими людьми Надежда сразу прекращала отношения.

Сколько трудностей и невзгод выдержала эта необычно красивая и гордая женщина, сколько любви и преданности проявила! Она делала все, чтобы Сима могла, хотя бы по минимуму, не испытывать лишений.

От платных кружков Дома ученых пришлось отказаться, но в музыкальной школе девочка продолжала учиться и впоследствии успешно ее окончила.

Когда Иосиф Рувимович был благополучным, известным и неплохо обеспеченным человеком, у его семьи было много друзей. После ареста большинство из них перестали общаться с Надеждой. Исключением были только двое — директор Дома ученых Мария Зиновьевна Зданевич и юрист Б. Апатовский. Они, рискуя своим положением, поддерживали Надежду, как могли. Такое, конечно, не забывается.

Первое время помогали родственники, потом она стала продавать то, что имело хоть какую-то ценность, и посылала Иосифу ограниченно разрешенные продовольственные посылки, не зная, получает ли он их.

Надежда понимала, что ей, жене изменника Родины, угрожает ссылка. Она попросила помогавшего ей своего двоюродного брата, известного харьковского профессора-терапевта Когана-Ясного, взять к себе Симу, если это произойдет.

Через некоторое время сам профессор был арестован по "делу врачей-отравителей".

В том, что ее добрый, веселый, умный, самый лучший в мире папа не может быть изменником Родины, десятилетняя Сима не сомневалась ни минуты, но разубеждать в этом одноклассниц и подруг очень не хотелось. Поэтому она уверяла всех: "Папа в длительной командировке".

К чести учителей и администрации школы, которые не могли не знать правды, нужно отметить — в классе об этом так и не узнали.

Как большинство детей того времени, Сима расплакалась, услышав о смерти Сталина. Надежда подошла к ней, обняла и сказала: "Не плачь, дочка. Вот увидишь — скоро наш папа вернется". Дальше эту тему она не

развивала, а четырнадцатилетняя девочка интуитивно почувствовала, что спрашивать не надо.

Прошло шесть очень трудных лет, Сима уже училась в десятом классе. Однажды днем раздался телефонный звонок, и мужской голос попросил позвать к телефону Надежду. Узнав, что мама на работе, он спросил: "А сколько тебе лет, девочка?" — "Шестнадцать", — "У тебя есть деньги?" — "Нет", — "Одолжи у соседей, возьми такси и приезжай на угол Бебеля и пер. Грибоедова. Такси не отпускай. Никого ни о чем не спрашивай. К тебе подойдет мужчина, ты его узнаешь".

Сима одолжила у соседки деньги и приехала на указанное место. Там стоял какой-то небритый беззубый старик в ватнике, который посмотрел на нее и сдавленным голосом сказал: "Доченька!". Это был отец, которого она помнила элегантным и подтянутым.

До прихода жены с работы он успел вымыться, побриться и переодеться, но шока избежать все же не удалось.

Иосиф Рувимович старался не говорить о пережитом, хотя кое-что все же рассказал. Во время допросов ему переломали ребра, а когда он в бешенстве попытался запустить в следователя пепельницей, с ним случился первый инфаркт. Потом, уже в лагере, был еще один.

После смерти Сталина стало полегче, и он работал там инженером, внедряя технологию, за которую так и не получил премию, а затем был полностью реабилитирован.

Через несколько дней после возвращения ему позвонил Михаил Матвеевич Пахомов, который раньше был его первым заместителем, главным инженером управления, а после ареста — начальником, и пригласил его прийти на работу. Немного отдохнув, придя в себя, вставив зубы, Иосиф Рувимович с естественным волнением перешагнул порог своего бывшего кабинета. Пахомов обнял его и сразу усадил не на стул посетителя, а в свое кресло со словами: "Ваше место — только здесь!". Вскоре с подачи Пахомова Иосифа Рувимовича восстановили в должности начальника управления. Так благородно поступали, мягко говоря, не все.

Недаром говорят, что работа — лучшее лекарство. Иосиф Рувимович активно включился в исполнение своих прежних обязанностей. Он расправил плечи, к нему постепенно возвращалась его прежняя бодрость, жизнерадостность, уверенность в себе. Приходил на работу рано и выглядел в своем строгом костюме с неизменно белой рубашкой и галстуком помолодевшим.

Ежедневно в первый утренний час он просил его не беспокоить — просматривал почту, обдумывал решения возникающих проблем, задания подчиненным, и только потом приглашал секретаря.

Так продолжалось почти восемь месяцев. Однажды утром он был необычно весел, даже провальсировал с Надеждой под музыку из радиоприемника, потом с улыбкой поехал на работу и, как обычно, работал с документами.

Но через час, как всегда бывало, вызова не последовало. Когда прошло еще полчаса, секретарь рискнула заглянуть в кабинет и увидела, что начальник спит, положив голову на руки. Такого с ним не случалось никогда. Это был инфаркт, третий, но смертельный. Говорят, что такой смертью умирают праведники.

После окончания школы Сима попыталась поступить на факультет иностранных языков. На всех экзаменах, кроме одного, получила пятерки, и только по украинскому языку четверку, но принята не была и пошла работать. Впоследствии высшее образование Сима получила заочно, окончив университет.

В девятнадцать лет она начала встречаться со студентом одного из одесских институтов, приехавшим из Крыма.

Ровно год, без выходных и праздников, эти молодые влюбленные ежедневно проводили каждую свободную минуту вместе. Затем они решили пожениться, жених сообщил об этом своим родителям и пригласил их в Одессу для участия в регистрации брака. Увидев совсем юную девчонку в тапочках и простеньком платьице, прибежавшую в обеденный перерыв для знакомства с будущими родственниками, отец жениха сказал: "Мать, к нам вернулась наша дочь!".

Смысл сказанного Сима поняла только в Крыму, в доме родителей мужа, куда они все уехали на следующий день после скромной свадьбы. Свекровь достала из семейного альбома фотографию маленькой девочки в гробу.

Когда Сима прочитала надпись на обороте фото, у нее перехватило дыхание — она увидела СВОЕ имя, СВОЮ новую (по мужу) фамилию и дату смерти девочки, буквально соответствующую дню, месяцу и году СВОЕГО рождения.

Вот что имел в виду ее свекор, сказав жене о возвращении к ним их дочери.

Вы можете сказать, дорогой читатель, что так не бывает. Такое совпадение невероятно. Тем не менее, это — не досужая фантазия автора, а истинная правда.

Вот и попробуйте не верить после этого в мистику и в судьбу!

Надежда дожила до весьма преклонного возраста. Дочь, с которой она все годы провела вместе, узнала о своей истории только после смерти матери, найдя в ее документах выписку из решения исполкома об удочерении. Родственники в ответ на вопросы вынуждены были рассказать правду, объяснив свое многолетнее молчание данным Иосифу и Надежде словом.

Сима и теперь продолжает жить в Одессе. У нее прекрасный муж, любящий сын, невестка, два замечательных внука. О событиях своего детства она старается не вспоминать — слишком тяжело.

В этом очерке намеренно не названа фамилия его основных героев. Имя Симы в действительности тоже не такое — она не хочет быть узнаваемой, не хочет лишних вопросов и выражений сочувствия.

В сегодняшней непростой жизни многие считают, что возвращение к описанным здесь темам и событиям несвоевременно, и их не нужно вспоминать. Думаю, это неправильно.

Мудрые люди говорили: "Кто не помнит прошлого — обречен на его повторение". Наши дети и внуки должны знать о тех страшных годах и сделать все, чтобы они не могли повториться.

